

ТОРГОВО-ВОЕННЫЕ ПУТИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ И «ТАТАРСКИЕ ДОРОГИ» НА ЮЖНОМ ПРИКОРДОНЬЕ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ ЛЕСОСТЕПИ

В статье приведены сведения о двух ключевых территориях на торгово-военных путях скифского и козацкого периодов, проходивших через низовья Тясмина и бассейн Великой Выси.

Ключевые слова: скифский период, козацкий период, торгово-военные пути, ольвийский торговый путь, Тясмин, Великая Вись.

При обращении к древностям скифского периода, в частности Днепровской Правобережной Лесостепи, нельзя не заметить, что они в ряде случаев приурочены к местностям, связанным со знаковыми событиями козацких времен¹. Письменные источники фиксируют здесь сражения, торжища, наличие монастырей и оборонительных сооружений — всего того, что характерно для мест прохождения торгово-военных путей. Особый интерес представляют два участка. Один из них находился в устье р. Тясмин, другой — в верхнем течении Великой Выси (укр.: Велика Вись) (приток Синюхи, бассейн Южного Буга). Эта общность обусловлена, в конечном счете, причинами географического характера (приречные ландшафты на порубежье степи и лесостепи) и топографией (близость к водоразделам, наиболее удобным для прокладки сухопутных трасс меридионального направления).

Текущие в широтном направлении река Великая Вись, а также Тясмин и его притоки, по которым проходит природная граница степи и лесостепи, нередко фигурируют в источниках как

пограничные территории между миром степных кочевников и оседлых племен лесостепи. Через устье Тясмина и верховья Великой Выси проходили маршруты как торговых караванов, так и военных отрядов. К таким «ответным» [Яворницький, 1990, с. 411] дорогам относился, прежде всего, средневековый Черный шлях — от черноморского побережья до Полесья и территории Польши — с его боковыми ветками и поперечными дорогами (рис. 1). Его трасса частично совпадала с так называемым Ольвийским путем скифского времени, соединявшим античные причерноморские города с племенами на Тясмине, Роси и Южном Буге [Болтрик, 2000]. Другой, не менее важный путь, пролегал вдоль долины Днепра, на некоторых участках он был водным. О его использовании в древнерусское и козацкое время имеется достаточно упоминаний в письменных источниках. Однако для скифского времени нет надежных данных о торговых плаваниях по Днепру выше порогов.

На упомянутых путях выделяются стратегические участки, значение которых прослеживается как в скифское время, так и в козацкое. Во все времена это были места пересечения торговых трасс с реками, имеющими удобный спуск к воде и развитую пойму, где можно не только переправить войско или валку торговцев, но также организовать отдых большого числа людей и животных [Шилик, 1981, с. 181; Моця, Халиков, 1989]. «Переключка» скифского и козацкого времени при реконструкции статуса этих пограничных пунктов вполне правомерна, поскольку речь идет в обоих случаях о схожих исторических ситуациях, хотя и в рамках различных общественных систем. Первое сходство — это наличие военно-политических объединений подвижных скотоводов для совместных военных предприятий, целью которых были трофеи, пленные, дань. Эта характе-

1. Этот термин употребляется в статье как эквивалент термина «литовско-польский период» (XVI—XVIII вв.), поскольку период становления и существования Войска Запорожского Б. Хмельницкого, а также Запорожской Сечи хронологически с ним совпадают.

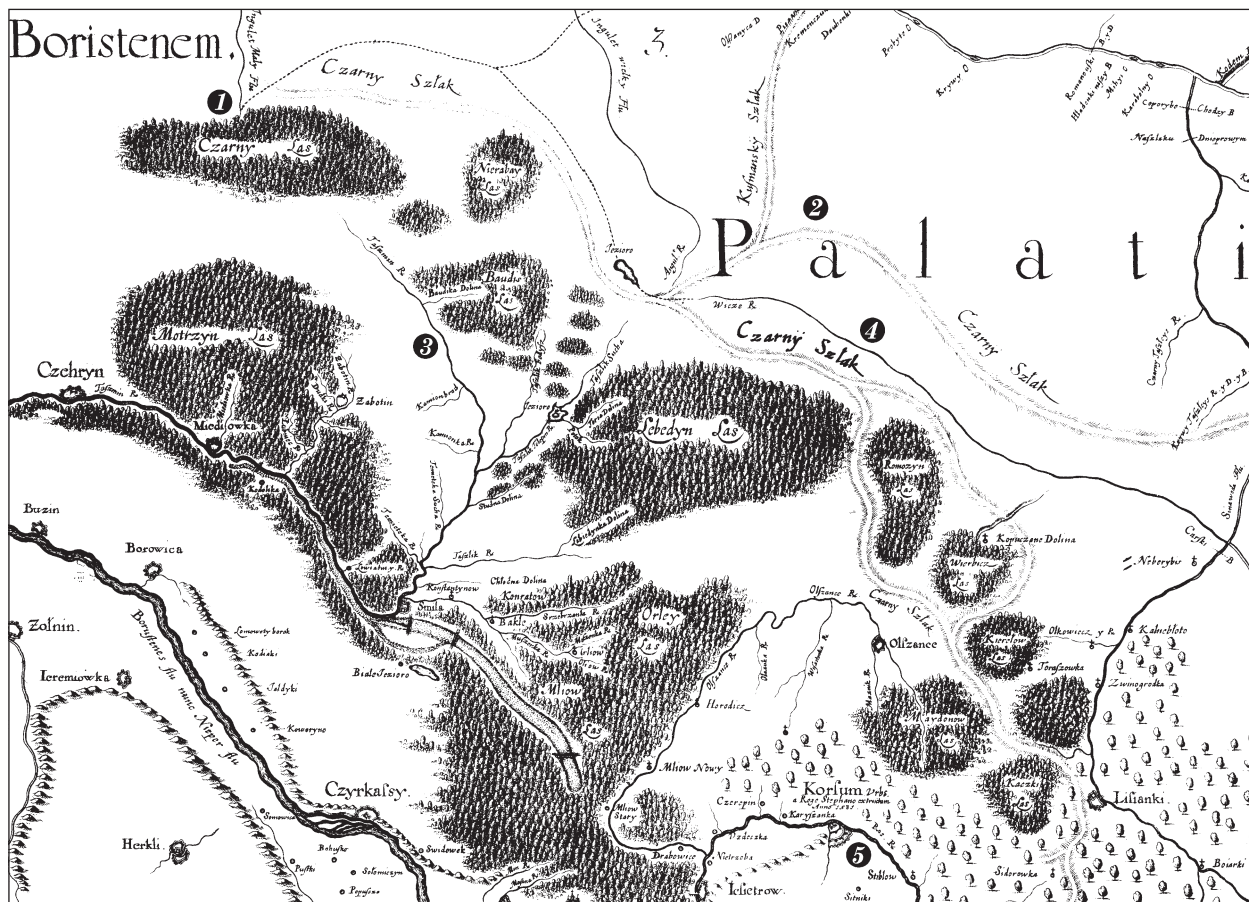

Рис. 1. Фрагмент карти Г. де Боплана з позначенням Чорного шляха (по: [Жордт, 1910, табл. III]: 1 — Чорний Лес; 2 — Чорний шлях; 3 — р. Тясмин; 4 — р. Велика Вись; 5 — р. Рось

ристка скифського суспільства [Мурзин, Павленко, 1989, с. 15] в значительній ступені приложима і к козацтву XVI—XVIII вв., в господарстві якого важлива роль належала скотарству і в особливості коневодству [Яворницький, 1990, с. 12, 402, 418]. Друге сходство — значительна роль торгівлі. Важною статтею поповнення військової скарбни запорозьких козаків була зовнішня і внутрішня торгівля, а також збори від перевезень і супроводження торговельних обозів [Яворницький, 1990, с. 411, 428—429]. Саме для торговельного обміну призначалась і більша частина військової здобичі. Дослідники підкреслюють більшу роль торгівлі у скифів, починаючи з періоду кавказських походів, особливо зросла вона в пізньоскифському суспільстві [Тереножкин, 1966, с. 44]. Топографія могильників киммерійських вождів свідчить, що і в цей період вибір місця поховання був умовлений напрямком торговельних шляхів і переправами [Бокий, Горбул, Отрощенко, 1991, с. 179—180, рис. 4].

Противостояння двох світів — осідлого і кочового — чітко позначилось в скифський час, а особливо гострі форми прийняло в середньовіччя, в епоху постійних набегів степняків в лесостепь і козацьких походів на південь. В результаті у населення переділля вироблялось особливий «стан пограниччя», для якого характерні, крім усього, різні форми самоорганізації населення

для протистояння озброєним набегам [Яворницький, 1990, с. 317] ¹. В скифський час, коли племена Потясминья найбільш сильно, порівняно з іншими племенами Правобережжя, звисли від кочовців і, можливо, навіть входили в склад скифського об'єднання [Мурзин, Павленко, 1989, с. 25], видом самоорганізації лесостепного населення можна вважати формування військового шару, організованого за типом скифських дружин (їх похованнями деякі дослідники вважають курганні дружинні могильники лесостепного порубежжя). Крім того, деякі могильники могли належати, що найбільш ймовірно, пришлому скифському або скифоїдному населенню, з яким місцеві правителі уклали договір для захисту найбільш важливих ділянок своїх кордонів. Так, в Китаї в епоху Західного Чжоу (кінець XI — початок VIII вв. до н. е.) відомі керівники військових загонів («бо»), кото-

1. Д.І. Яворницький серед причин виникнення північноукраїнського козацтва особливо відзначає «належність вільної окраїни, пограничної до степної рівнини», де і виникало звичайно козацтво, в силу обставин усваююче бойові прийоми воїнів степних кочовців і навіть їх самоназивання. Спочатку північноукраїнські козаки — це погранична стража, очолювана воеводами і старшими литовсько-українських пограничних замків і міст [Яворницький, 1990а, с. 12, 14].

рые за службу получали уделы для прикрытия крайнего запада государства [Комиссаров, 1985, с. 100]. Аналогичная ситуация наблюдалась в древнерусский период, когда на южных границах Руси, в Поросье, поселилось объединение черных клобуков, союзных киевским князьям. В конце 50-х гг. XVI в. земли на порубежной со степью Орели отошли к ногайцам, которые за дозволение им «межи Ореля и пола лежати» (оседло жить между Орелью и Полем — В. П., С. Б.) обязались нести сторожевую службу Великому княжеству литовскому [Клепатский, 2007, с. 346].

В скифское время стратегические места на торгово-военных трассах обозначены дружинными могильниками, поскольку устройство кладбищ предков было главным аргументом на право владения территорией [Бунятян, 1985, с. 122] «по праву первого займа». В козацкое же время больше внимания уделялось не сакральным моментам, а устройству фортификационных сооружений и прямому присутствию военных отрядов. Сравнение данных скифского и более поздних периодов, дополняющих друг друга, помогает лучше понять значимость отдельных территорий в различные исторические периоды, а также способствует целенаправленному поиску в этих микрорегионах археологических памятников.

Анализ удобнее проводить по территориальному принципу.

Устье р. Тясмин. Тясмин во времена козачества не раз была рубежом, отделявшим заселенные земли от татарского Дикого поля, поскольку за Тясмином, в его нижнем течении, начинались степные ландшафты, резко отличающиеся от Днепро-Тясминской поймы. Граница фактически установилась здесь с образованием Речи Посполитой в 1569 г. (подтверждена в 1682 г.) [Яворницький, 1990, с. 41], после того как козачество перешло от обороны к наступлению, благодаря чему обширная зона оседлости передвинулась далеко на юг и юго-восток вдоль Днепра. К тому же, в XV — первой половине XVI в. границы заселенной полосы проходили по линии Брацлав—Житомир—Киев—Чернигов—Путивль. По сообщениям европейских авторов XV в., венецианского посла Амброджо Контарини, а также С. Герберштейна, южнее Киева уже нет христианских поселений, это город на границе с козацкой степью [Наливайко, 2009, с. 8]¹. Поэтому великий князь литовский и король польский Сигизмунд I (1507—1548 гг.) даровал запорожским козакам в вечное владение земли вверх и вниз от порогов по обеим сторонам Днепра, чтобы они не позволяли татарам и туркам нападать на русско-польские земли. При этом литовско-польскому прави-

1. Противостояние со степными кочевниками обострилось в последней трети XV в. — времени выхода украинского козачества на историческую арену и вхождения Крымского ханства в состав Османской империи (1478 г.). В последней четверти XVI в. набегги козаков особенно тревожили крымское ханство.

тельству приходилось сдерживать продвижение запорожцев к северу², особенно вдоль Днепра, который запорожцы всегда считали своей рекой. Привилегии были подтверждены при Стефане Батории (1576—1586 гг.), причем упоминаются земли от города Трахтемирова с монастырем и перевозом над Днепром до самого Чигирина и «запорожских степей, к землям чигиринским подошедших, со всеми на тех землях насиженными местечками, селами, хуторами, рыбными ... ловлями и иными угодьями» [Яворницький, 1990, с. 27—28]. То есть, признавалось право запорожцев, несмотря на установленную границу по Тясмину, на владение жизненно необходимыми дорогами по Днепру и вдоль него к северу от устья Тясмина. Не случайно оговорено право собственности на такой ключевой объект как перевоз у Трахтемирова, а также монастырь, где запорожцы могли зимовать. Судя по всему, к этому времени земли вдоль Днепра до низовий Тясмина уже активно осваивались козаками — как «городовыми», так и запорожскими. Новое обострение ситуации приходится на начало XVII в. В период 1620—1630-х гг. ни один год не проходил без татарских набегов, и вся Русь, по образному выражению очевидца, была «опустошена огнем и мечом» [Наливайко, 2009, с. 8]. Тем не менее, в этой нестабильной ситуации функционировали торговые городки на «татарской дороге».

В низовье Тясмина, откуда официально начинались «запорожские степи», в козацкое время сходились две трассы. Во-первых, вдоль Днепра проходило сообщение с иными козацкими центрами — от Трахтемирова — Канева — Черкассы³ до Сечи (Низа). Во-вторых, здесь от этой трассы отходила ветка вдоль Тясмина на Чигирин и иные города Потясминья, вглубь лесостепи — так называемая татарская дорога (рис. 2; 3). Тясмин при слиянии с Днепром образует широкую пойму, к которой с юга близко подходила пойма р. Цыбульник, что затрудняло сухопутное продвижение вдоль правого берега Днепра к северу. Тем более, что выше по течению Днепра к его речису примыкала обширная пойма Ирдыни (в средневековье там уже были Ирдынские болота). Днепро-Тясминская пойма, с обширными заливными лугами, островами, старицами и протоками, была традиционным местом звериных ловов и добычи рыбы. Древнерусская летопись под 1190 годом сообщает, что киевский князь Святослав спускался ладьями по Днепру для охоты «на устье Тесмени» [Ипат., с. 449]⁴. Польский историк

2. Попыткой вытеснения запорожцев в степи за Тясмином было установление границ по этой реке согласно Люблинской унии 1569 г.

3. Канев и Черкассы — древнейшие, XV — начала XVI вв., центры козачества, зародившегося как историческое явление на берегах Днепра, были связаны с этой водной артерией и сухопутными дорогами вдоль нее, а также с важнейшими переправами, то есть, в конечном счете, с торговлей.

4. Цит. по: [Грушевський, 1991, с. 13].

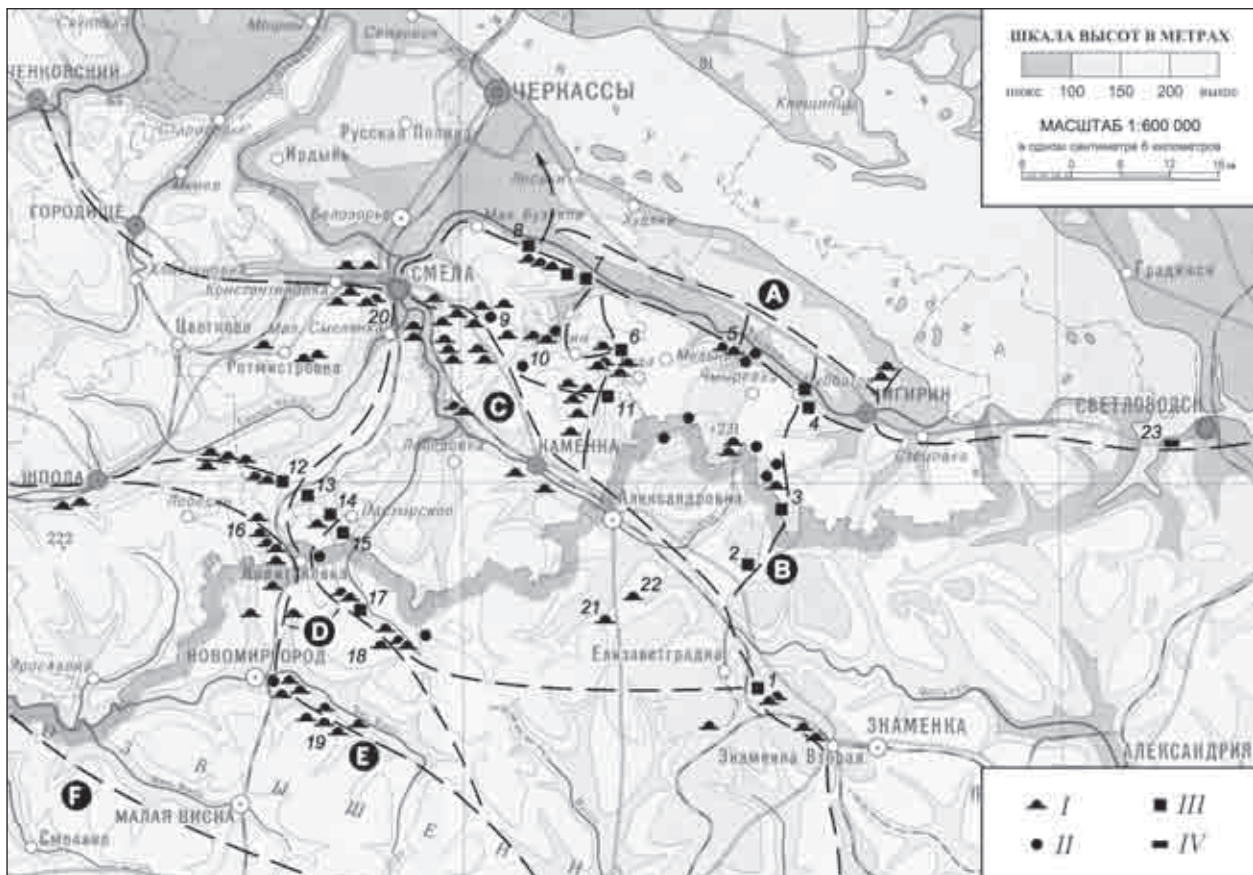

Рис. 2. Реконструкция путей чернолесского и скифского времени в бассейнах Тясмина и Великой Выси: 1 — Чернолесское городище; 2 — Чутовские городища; 3 — Ружичевское городище; 4 — Субтовское городище; 5 — Новоселица; 6 — Мотронинское городище; 7 — Чубовка; 8 — Гуляйгородок; 9 — поселения и курганы на р. Тенетинка; 10 — Флярковское поселение; 11 — Грушковка; 12 — Макеевка; 13 — Буда-Макеевка; 14 — Пастырское городище; 15 — Шарповское городище; 16 — Капитановка; 17 — Дибровка; 18 — Защита; 19 — Мартоноша; 20 — Холодноярские курганы; 21 — Бовтышка; 22 — Самур-Могила; 23 — Светловодский могильник; I — курган; II — поселение; III — городище; IV — грунтовый могильник; реконструируемые пути: А — «Днепровский»; В — «Чернолесско-Суботовский»; С — «Чернолесско-Смелянский»; D, E, F — ответвления Западного направления Ольвийского торгового пути

середины XVI — начала XVII вв., писавший под псевдонимом Алессандро Гваньини (Gvagnin), отмечает важное стратегическое значение острова Томашевка, против устьев Тясмени и Фезани (Цыбульника?), а также Кременчуга на Днепре у переправы, где можно было бы организовать оборону против татар, часто ходивших в Литву и Польшу [Клепатский, 2007, с. 43, 124] по так называемой татарской дороге.

Обширная днепро-тясминская пойма была серьезным препятствием при продвижении правым берегом Днепра. Наиболее удобным местом для переправы оказался каменистый берег реки в четырех верстах от впадения ее в Днепр. Здесь не позже конца XVI в. ¹ был заложен польский город Крылов, часто упоминаемый в источниках

1. Встречается упоминание об основании здесь города еще в конце XII в., то есть во времена «царской охоты» Святослава, а также о разрушении его в середине XIII в. татаро-монголами при переправе через Днепр и Тясмин. Следы обитания человека прослеживаются с неолита [ИМС, 1972, с. 701].

XVII—XVIII вв. и сохранявший свое значение торгового города и в XIX в. ² Примечательно, что по народному преданию именно Крылов был местом сидения одного из легендарных ватажков козацких времен — Ивана Подковы. Два других ватажка — Перепятый и Батин — сидели соответственно в городках за Белой Церковью и в Козине на Россаве [Похилевич, 2007, с. 326].

Ближайшим к устью Тясмина и более важным стратегическим пунктом был район Кременчуга, где правобережный путь вдоль Днепра переходил на левобережную террасу, по которой и проходили основные передвижения в меридиональном направлении. У Кременчуга (Кременчука), где русло Днепра пересекает каменная гряда, что удобно для устройства переправы, находился один

2. В сочинении Л.И. Похилевича Крылову посвящены две страницы текста, не считая упоминаний в других местах этого труда. Чигирин, полковой центр, будущая военная крепость и столица Украины XVII в. упоминается реже. У Д.И. Яворницкого Крылов упоминается 11 раз и один — запорожский Крыловский курень [Яворницкий, 1990а, с. 47—48].

из известных днепровских бродов [Максимович, 1901, с. 83]. Поэтому здесь была воздвигнута одна из ранних крепостей для обороны Левобережного Поднепровья от нападения крымских татар; по крайней мере, 1590 г. датирован универсал Сигизмунда III о сооружении крепости Кременчук [ИМС, 1972, с. 463]. Напротив Кременчуга, на правом берегу Днепра, находился город Крюков (теперь — правобережная часть Кременчуга), впервые упомянутый в источнике под 1625 г. Кременчук и Крюков как пограничные перевалочные базы не раз были отправными пунктами военных экспедиций или местами сражений. В Крюкове были устроены в третьей четверти XVII в. станции «почтовых гонов» для сообщения с иными запорожскими пунктами. Один из них шел по правому берегу Днепра до Кинбурна в низовье реки [Яворницький, 1990, с. 459]. Этот козацкий шлях был известен под именем Крюковского и в 1781 г. имел вид «твердой чернопесчаной дороги». У Крюкова начинался и Кизкерменский шлях [Яворницький, 1990, с. 458, 459, 460]. На берегах Днепра в районе Кременчуга, в особенности на левобережье, известны археологические находки разного времени [ИМС, 1972, с. 463], в том числе находки оружия и погребения предскифского и скифского времени — свидетельства походов ранних номадов [Кракало, Кулатова, 1998, с. 168; Кулатова, Скорый, Супруненко, 2010, с. 12—38; Кулатова, 1999, с. 1—2].

Город Крылов впервые упоминается в польских источниках под 1616 г, когда там насчитывалось уже 200 домов. Поселение Крылов, «на вельких пясках засадзоне», стояло на левом каменистом берегу Тясмина [Похилевич, 2009, с. 525, 449], то есть в удобном для переправы месте, хотя и с малоплодородными почвами. По мнению Л.И. Похилевича, это пограничное местечко, укрепленное земляными валами, основано гораздо ранее; вокруг города в земле — обломки древнего оружия и монеты, а также множество земляных насыпей редутов и могил [Похилевич, 2009, с. 525]. Впрочем, основание польского города Крылова, вряд ли, можно отодвигать далеко вглубь XVI в., учитывая историческую ситуацию (см. выше). О функционировании здесь переправы и торгового пути римского времени свидетельствует клад римских монет, найденный на правом берегу Тясмина у Новогеоргиевска в 1880-х гг. [Гошкевич, 1903, с. 14—15; Грибенко, 1959, с. 164].

По ревизии 1621 г. в Крылове насчитывалось 50 мещан и 400 (!) купцов. По причине своего пограничного положения он часто был разоряем, поэтому нередко получал от польского правительства привилегии, которые должны были привлекать жителей в этот стратегически важный город. Вероятно, эти права подразумевали и обязательства по охране границы, вернее, ее частичному содержанию. Не случайно один из запорожских куреней назывался Крыловским, то есть был сформирован в этом городе или выходцами из него [Яворницький, 1990, с. 47—48].

В 1616 г., по привилегии Сигизмунда III, Крылов был отделен от Чигиринского староства и получил права и городское устройство, его земли простирались далеко за Днепр, а по эту сторону Днепра жители могли пользоваться землями и расселяться хуторами до самого Кременчуга. Они получили на 30 лет различные привилегии, в том числе магдебургское право, собственный суд, расправу и так далее, право иметь воскобойни, по два торгова в неделю и по три годовые ярмарки (очень важная привилегия), содержать перевоз на Днепре, иметь корчмы и вольно продавать всякие напитки [Похилевич, 2009, с. 524]. Последняя привилегия была явно, как и ярмарки, рассчитана на привлечение запорожцев. В течение бурного XVII в. население утратило дарованные права и не раз страдало от произвола. В договорах 1667 и 1682 гг. Крылов упоминается уже как опустелое городище. Хотя впереди еще был экономический подъем XVIII—XIX вв.

О стратегическом значении Крылова свидетельствуют многочисленные упоминания его в письменных источниках как места сражений 1625, 1662 и 1663 гг., и пограничного города (по договору 1711 г. между Россией и Турцией); под Крыловым в урочище Цыбульник (вероятно, на р. Цыбульник — В. П., С. Б.) предполагалась козачья рада для избрания гетмана — преемника Дорошенко в 1670 г. [Яворницький, 1990, с. 31; Яворницький, 1990—а, с. 247—249; 314]. О военной истории напоминает и герб города — три карабина, составленные пирамидой. Особенно ожесточенные и кровопролитные сражения происходили здесь в 1663 г., когда на стороне запорожцев во главе с Иваном Брюховецким сражалась также тысяча калмыков, а на стороне гетмана правобережной Украины Павла Тетери — поляки, ногайцы и крымские татары, устроившие под Крыловым собственный кош [Яворницький, 1990, с. 99]. Со временем, с XVIII в., военное значение города уступило место торговому, и начинается его экономический рост. На момент привилегий 1782 г., при Станиславе-Августе, Крылов уже считался значительным торговым местечком [Похилевич, 2009, с. 525]. Благополучие города основывалось не только на природных богатствах днепро-тясминской поймы¹, но главным образом на тех преимуществах, что его обитатели извлекали из близости к «Татарской дороге», а также к Днепру, где город имел собственную переправу. Что касается продолжения «татарской дороги» за Тясмином, на его левом берегу, то она фиксируется на низменной равнине поймы у с. Подорожное, образовавшегося из хуторов древнего местечка Вороновки, в трех верстах от Днепра [Похилевич,

1. Еще в XVII в. здесь имелось несколько воскобойен; в XVIII—XIX вв. это был значительный центр салотопного промысла, а также кожевенного, свечного, кирпичного, лесообрабатывающего; на рубеже XIX—XX вв. здесь было развито производство возов и фургонов [Похилевич, 2009, с. 524; ИМС, 1972, с. 703—704].

2009, с. 526]. Далі шлях ішов на Чигирин, Черкаси і углублявся в правобережну лесостепь.

Ця «татарська» шлях, проходивша від району Кременчуга — Крюкова до устя Тясмина і далі, існувала, судячи по всьому, ще в *скифське час*. Об цьому свідчить обширний Светловодський могильник кінця V — початку IV вв. до н. е. в низов'ї правого берега р. Цыбульник [Бокий, 1983; 1986; Бокий, Могилов, 2014], відстаючого від Тясмина в районі колишнього Крылова всього на 4—5 км. Светловодський ґрунтовий могильник (більше 116 погребень) можна порівняти з іншими рядовими некрополіми, наприклад, могильником Скельки на Нижньому Дніпрі [Попандупуло, 2011], і, можливо, деякими іншими ґрунтовими могильниками вздовж Дніпра в степній його частині [Остапенко, 2009]. Не виключено, що частина з них знаходилася поруч із стародавніми переправами, як, наприклад, Михайлівський могильник [Лагодівська, Симонович, 1973, с. 235] у Сергеевській переправі [Болтрик, 1999, с. 46], а обитавше тут населення було знайомо з річковими промыслами. В Светловодському могильнику, незважаючи на його ограбленість, не менше 30 % погребень містили імпортовані предмети [Бокий, 1986, с. 8, 10—11, табл. I, 1; II, 1—4, 6—8], що підтверджує близькість торговельного шляху. Вероятно, через переправу в районі Светловодська в скифське час, в V—IV вв. до н. е., проходило відгалуження так званого західного Пантикапейського шляху з території Босфору (рис. 2, А), який ішов вздовж правого берега Дніпра [Болтрик, 1990, рис. 4], а в районі Кременчуга поворачивав на лівий берег [Šramko, 1992, abb. 1]. До утворення в кінці V — початку IV вв. до н. е. на Нижньому Дніпрі у найважливіших переправ, центр Степної Скифії [Болтрик, 1999, с. 46] шляхи вздовж Дніпра не мали великого значення для торговель, оскільки прилегли до нього степи були заселені достатньо слабо [Онайко, 1966, с. 39, 40], і грецьким купцям, добираючись до лесостепи, доводилося подолати широку смугу безрозличних для торговель територій [Доманський, 1970, с. 52]. Порівняно з «узловий» Кременчузькою переправою, Светловодський перевіз був все ж другорядним, але завдяки певній віддаленості від «магістрального шляху» вздовж Дніпра тут, особливо в XVI—XVIII вв., було більше умов для торговель.

Розміри Светловодського могильника свідчать про стабільну, хоча б на крайню міру для степної Скифії, ситуації в цей час¹. Відмінність від раннескифського часу, коли учас-

1. В околицях відомі захоронення степного типу V—IV вв. до н. е.: захоронення в катакомбі з мідним котлом у с. Велика Андрусовка (кладовищні розкопки XIX в.); багате захоронення воїна в набірному панцирі і коня в ямі з сожженим перекрытием недалеко від с. Мироновка за Цыбульником [Грибенко, 1959, с. 163]; рядове погребення в подбоді на валу Калантаєвського городища [Покровська, Ковпаненко, 1961].

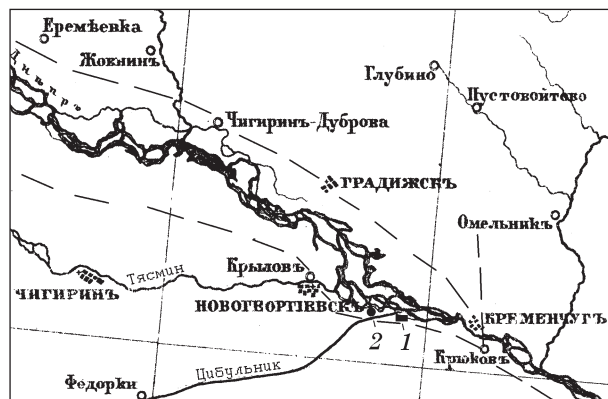

Рис. 3. Руслото Дніпра при злитті з Тясмином (по карті кінця XIX в.): 1 — приблизне місцепоположення Светловодського могильника; 2 — приблизне місцепоположення чернолесського городища Московська Гора; 3 — реконструкція «Татарської шляхи» козацького періоду

ток правого берега Дніпра від Кременчуга до Новогеоргиевська², густо заселений в період чернолесської культури, прийшов майже в повне запускання [Тереножкін, 1959, с. 3, 12].

Таким чином, в пізнескифське час, в кінці V—IV вв. до н. е., можна передбачати наявність переправ локального значення декількох южніше низовий Тясмина — на р. Цыбульник. Можливо, це був свого роду «форпост» на підступах до Тясмину. Переправа скифського часу могла бути і в районі пізніших Крылова / Новогеоргиевська³ на Тясмині, куди підходила, ймовірно, від району Светловодської переправи шлях (рис. 2; 3), але бурна історія міста, численні споруди і оборонні споруди XVI—XVIII вв. не сприяли збереженню ранніх пам'яток. Відомі знахідки бронзових наконечників стріл трикутної і листовидної форми між с. Скубієвка і Новогеоргиевськом [Ястребов, 1894, с. 70, 84; Грибенко, 1959, с. 164]. Л.І. Похилевич згадує численні насипи могил (кургани?) в околицях Крылова [Похилевич, 2009, с. 525].

Бассейн р. Велика Вись (лівий приток Синюхи, басейн Южного Буга). Річка, тече в широтному напрямку, була, як і Тясмин, природним рубіжем степних і лесостепних ландшафтів, тому звичайно проводили межі етнополітичних і адміністративних утворень. В першій пол. XII в. рубіж населеної смуги Київської Русі («городки», «городища») і половецької степі проходили від водорозділу Тясмина і

2. В кінці XVIII в. поруч Крылова, на правому березі Тясмина був заснований Новий Крылов, в 1822 г. перейменованний в Новогеоргиевск. В 1959 г. поглинений водами Кременчузького водохранилища.

3. В опублікованій недавно статті [Бессонова, Полтавець, 2015, рис. 2, V] не були привнесені дані про Крыловську переправу козацьких часів, і тому шлях до Светловодського могильника проведений по правому березі Тясмина, не пересікаючи його. Судячи по всьому, ця шлях також існувала в скифське час.

Великой Выси до Буга [Грушевський, 1991, с. 14, сн. 1]. Во второй половине XII в., в период упадка Руси, здесь устраивали сезонные кочевья половцев. В летописи под 1190 г. (уже после победы Святослава над половцами) содержится любопытное известие: половцы, произведя свои набеги, скрывались «по Висем» (вероятно, по Выси и ее притокам), и оттуда, дав отдых коням, совершали новые набеги на киевские земли, вероятно, в Поросье [Грушевський, 1991, с. 13—14]. В XVI—XVIII вв. по Великой Выси, как и по Тясмину, проходил кордон между Речью Посполитой и Вольностями Войска Запорожского; в 1752—1764 гг. — между Польшей и Новой Сербией, а с XIX в. — Киевской и Херсонской губерний [Велика Вись]. Важным стратегическим пунктом на Великой Выси был пограничный город Гуляйполь, основанный около 1545 г. на правом берегу реки; в 1740 г. напротив Гуляйполя на левом низменном берегу основан Новомиргород. Вначале окрестности Гуляйполя принадлежали запорожцам¹, с 1569 г. город стал польским, а после 1787 г. это уже город российской империи Златополь.

Бассейн Великой Выси действительно отвечал всем критериям «рая» кочевников, а также козачества, к изначальным функциям которого, кроме обороны от мусульман, относились различные промыслы (уходы). Это обилие лугов, болот и лесов, дичи и рыбы. Известно, например, что окрестности реки Самары, также изобиловавшей рыбой, воском, медом, дичиной и строевым лесом, запорожские казаки называли «обетованной Палестиной, раем божьим на земле», а саму реку «святою» [Яворницький, 1990, с. 71]. Земли по Самаре и Орели, пограничной со степью рекой, где было много сырых лугов и лесов, были излюбленным местом зимовки половцев [Плетнева, 1974, с. 20]². Уникальные природные ландшафты Выси и ее притока Турии на участке от Новомиргорода до Листопадового ныне входят в состав гидрологического заказника «Велика Вись». Это, прежде всего, пойменные луго-болотные комплексы и в особенности засоленные луга [Велика Вись], представляющие большую ценность как пастбища для скота³. О развитых промыслах и богатых природных ресурсах говорит тот факт, что позже в Златополе были медоварня, воскобойня, бровар-

ня и, что особенно важно, один из лучших заводов коней арабской породы [Златопіль (місто)]. Пойма Выси в пределах Новомиргорода была широкой, до 1,5 км, и в северо-западной части города она соединялась с болотистым урочищем Тресяги, которое могло использоваться в качестве осенних пастбищ. Собственно, с урочища, где были запорожские зимники, и начинается история города [МС, 1972, с. 486]. Широкая пойма обычно соответствует участку реки с медленным течением и малой глубиной русла. Не случайно здесь позже был построен железнодорожный мост. Аналогичная ситуация, видимо, была и в Гуляйполе (Златополе). Еще во времена Хмельницкого эта местность попала под власть козаков, а после 1659 г. город с окрестностями был передан польским королем за службу козацкому гетману Павлу Тетере. Последовала тяжба с магнатами Концепольскими, в ходе которой гетман доказывал, что казаки издавна занимались здесь ловом рыбы и зверей на лугах⁴. Видимо, литовское, а вначале и польское правительство предоставляли пограничные земли «низшему сословию», которое должно было с оружием в руках защищать свои семьи и имущество. О ценности территории в XVII—XIX вв. свидетельствует и тот факт, что в разные времена городом владели крупнейшие польские и российские магнаты — Концепольские, Любомирские, Валевские, Потемкин, Высоцкий и другие [Златопіль (місто)].

К тому же, по упомянутому водоразделу Тясмина и Великой Выси пролегали очень удобные сухопутные трассы субмеридионального направления, которыми во все времена пользовались степняки для походов в лесостепные земли. В скифские времена здесь проходили ответвления так называемого Ольвийского торгового пути [Болтрик, 2000] (см. ниже), а в средневековье — Черного шляха, обозначенного на картах того времени. Наиболее точна и подробно карта, изданная в 1650 г., составленная Г. де Бопланом [Кордт, 1910, табл. III]. Кроме Великой Выси и ее притока, здесь обозначен большой массив Лебединского леса, вдоль которого проходила его трасса, а также поворот Черного шляха от Великой Выси к северу, параллельно Гнилому Тикичу (притоке Синюхи) (рис. 1).

На Гнилом Тикиче расположены пограничные⁵ козацкие города, хорошо известные в истории XVI—XVIII вв. — Звенигородка, Кальниболото, Гуляйполь (Берибесы), Неморож, Лысянка. Часть из этих пунктов, судя по археологическим памят-

1. В литовский период особо ценными считались лесные, водные и болотные земли, а залежные черноземы — малоценными, и земля обрабатывалась минимально. Поэтому до Люблинской унии 1569 г. литовские помещики отказывались от окраинных черноземных земель, они предоставлялись низшему сословию. Ситуация изменилась после образования Речи Посполитой [Яворницький, 1990а, с. 14].

2. Аналогично для кимаков — предков половцев таким «раем кочевника» была легендарная местность, место зимовки на Иртыше, «где была большая река, много деревьев и обилие дичи» [Плетнева, 1990, с. 27].

3. В XIX—XX вв. существовала грязелечебница на оз. Лонго в пределах Новомиргорода. Не исключено, что целебные свойства грязевых источников были известны и в козацкие времена.

4. «Он, ... гетьман запорожський, ... на шляхах тих самих сидить татарських; до Дикого поля належить і перед цим там помешкання були, бо люди займалися ловінням риби і звірів на лугах» [Златопіль (місто)].

5. Текущий в меридиональном направлении Гнилой Тикич воспринимался как естественное продолжение границы, проводимой по Синюхе и Бугу. Например, Синюха была определена границей между Польшей и украинскими землями по Карловицкому миру 1699 г. [Яворницький, 1990, с. 29].

никам (Неморожский курганный могильник), существовала и в скифское время на проходившем здесь Ольвийском торговом пути. Выделялся город Кальниболото (Катеринополь), имевший различные привилегии, в том числе торговые и ремесленные, от польского короля, здесь был очень развит чумацкий промысел, что указывает на тесные связи с Доном и Крымом [ИМС, 1972, с. 358—360]. Важным торговым селом была также Лысянка [Яворницкий, 1990, с. 417].

Стратегическое значение Гуляйполя и иных поселений козацких времен на Великой Выси, расположенных на торговых путях до Дикого поля, более чем очевидно. Этими путями нередко ходили на север очаковские татары, часто разорявшие села [Похилевич, 2009, с. 555]. В бассейне Выси наиболее известными были, кроме Гуляйполя, сс. Турия и Лебедин, расположенные выше по течению р. Турия (Гептурка). Турия, по крайней мере, в первой половине XVIII в., была более крупным местечком, чем Гуляйполь и Новомиргород¹. Лебедин более известен Георгиевским Лебединским монастырем, основанным в начале XVI в., после татарских опустошений [Похилевич, 2009, с. 556—557]. Монастырь этот считался одним из четырех главных козацких монастырей наряду с Мотронинским, Трахтемировским и Межигорским под Киевом². С окрестностями Лебедина связаны события наивысшего подъема козачества. Богдан Хмельницкий первоначально планировал начать восстание с Лебедина, но этому помешали очаковские татары. Лебедин поддерживал гайдамаков в период Колиивщины. За активную поддержку козацких волнений Георгиевский монастырь не раз получал привилегии от козацких гетманов [Похилевич, 2009, с. 556—558; ИМС, Черкаська обл., с. 739]. Вероятно, Лебедин (его основание относят к началу XV в. [ИМС, 1972а, с. 739]), расположенный в верховьях Турии, в лесистой местности, а также село Турия, древнее Гуляйполя, основанного в месте переправы через Высь и более уязвимо по сравнению с «глубинными» селами с точки зрения обороны. Су-

ществование последнего зависело от постоянной охраны и вообще было возможно в относительно стабильные времена, когда выгоды от торговли и пользования богатыми природными ресурсами оправдывали риск соседства с Диким полем. Не случайно на гербе Новомиргорода, вобравшего также символику Златополя, изображены с одной стороны кадуцей — жезл Гермеса, древнегреческого бога торговли и границ, покровителя героев, а с другой — вооруженный реестровый козак.

Гуляйполь упоминается в письменных источниках козацкого времени реже, чем соседний Лебедин или Крылов. Вероятно, потому, что был удален от центральной области украинских земель, тяготевшей к Днепру (с Киевом, Черкассами, Каневом), по которому и вдоль которого шло сообщение этих важных торговых и стратегических центров с Запорожской Сечью (Низом). Судьбу Гуляйполя определяла прежде всего его близость к древнему торговому пути из причерноморских степей в Польшу. Как не без основания полагают Л.И. Похилевич, народ здесь собирался из окрестностей для торгов еще до основания селища [Похилевич, 2009, с. 565]. Его сущность как торгового козацкого центра отразилась в названии. Гуляйгородом называли временное укрепление (табор) из возов и щитов, устраиваемое в случае внезапного нападения [ЭСБЭ, т. 18, с. 878], например, на переправе. Впрочем, есть и иное, вероятно, более позднее, толкование термина Гуляйполь — место, где продавали дешевое спиртное [Похилевич, 2009, с. 484], а это нередко шинки в местах скопления людей, в том числе, на ярмарках и возле переправ³. Торговое значение имело и Новомиргородское поселение, где позже возник военный городок с пятиугольным земляным укреплением — один из опорных пунктов Новой Сербии, просуществовавшей до 1760 г.

Таким образом, со Златополем и другими поселениями на левом берегу Выси не связаны заметные события военной истории. Это был охраняемый приграничный пункт торговли и, возможно, рекреации на одном из ответвлений торгово-военных путей, что особенно выразительно проявилось в XVIII—XIX в. Немаловажным для торговли и военного дела было то обстоятельство, что в окрестностях Новомиргорода/Златополя были все условия для развития скотоводства и в особенности коневодства. В конечном счете Новомиргород/Златополь, благодаря своему пограничному положению на скрещении торгово-военных путей, становится значительным культурным и торговым центром юга России. В конце XVIII — начале XIX вв. Новомиргород имел статус города губернского и епархиального значения, 10 лет

1. В состав Турянского ключа в это время входили местечко Гуляйполь, а также почти 30 сел, в том числе Лебедин, Журовка, Листопадове, Капитановка, Оситняжка и более южные села [Новомиргородский район].

2. Примечательно, что все они территориально соотносятся с основными локальными вариантами внутри Киево-Черкаской группы памятников лесостепной культуры скифского времени: Киевским, Каневским, Тясминским (внутри последнего иногда выделяют Журовский вариант) [Шилик, 1981, с. 184], в пределах которых маркировали, судя по всему, стратегически значимые территории. Так, на Руси послемонгольского периода монастыри основывали в местах стратегически значимых, включая контроль путей сообщения и переправ. В частности, они были умело вписаны в существующую систему обороны и являлись узловыми точками системы оповещения. Поскольку монастырям нужны были большие запасы хлеба и других продуктов, они тяготели к центрам меновой торговли [Кузык, Яковец, 2008, с. 207].

3. Гуляйполь и Гуляйгородок можно рассматривать как взаимозаменяемые топонимы. Еще один Гуляйполь (Берибесы) находится на берегу Гнилого Тикича ниже Катеринополя. Известен также летописный город Кульдюр (Гульдюр), название которого в тюркских языках означает примерно то же, что и Гуляйполь. Местоположение его не ясно (Златополь?) [Златопіль (місто)].

был столицей Новороссийского края, здесь жили консулы польский, императорско-римский и неаполитанский. Примечательно, что на военное время тут предполагалось устроить штаб дивизии [Новомиргород]. То есть, кроме стратегически выгодного положения, здесь были природные ресурсы, достаточные для обеспечения продовольствием гарнизона и фуражом коней.

В скифское время Великая Высь также, судя по всему, была пограничной рекой, отделявшей кочевья степных номадов от земель скотоводческо-земледельческих племен Лесостепи. Как и в благоприятные периоды Киевской Руси, а также XVI—XVIII вв., в скифское время населенная полоса здесь несколько спускалась к югу — относительно основного массива лесостепных памятников — по правым притокам Выси. Так, известна курганная группа у с. Листопадово (северо-западное предместье Златополя, отделенное от него речкой Турия); одно впускное погребение датировано VII—VI вв. до н. э. [Бокий, 1977а, с. 65]. Два кургана IV в. до н. э. (четыре погребения) раскопаны к северо-востоку от Златополя у с. Петровка [Бокий, 1977] и один курган V—IV вв. до н. э. — у с. Йосиповка (быв. Кошара) [Бобринский, 1906, с. 1—2]. Во всех случаях в погребениях имеются предметы античного импорта, большая часть погребений совершена в катакомбах. Скопление курганов отмечено на подступах к Новомиргороду с юго-востока, то есть уже на левом берегу Выси (см. ниже). Все это позволяет, учитывая торговое значение Златополя / Новомиргорода в более позднее время, реконструировать для скифского времени еще одно ответвление Ольвийского торгового пути (см. ниже), которое проходило вдоль левого берега Великой Выси и пересекало ее в районе упомянутого населенного пункта (рис. 2, E). Попутно заметим, что реконструируемое разделение Ольвийского пути в бассейне Великой Выси — по крайней мере на три ветки — позволяет вспомнить, что по одной из версий, именно в бассейне Синюхи (В. Высь — ее приток) находилось легендарное святилище Экзампей (Священные пути), о котором сообщает Геродот. Про «мирные пути» — жизненно важные артерии, которые соединяли бассейны Синюхи и Тясмина через Великую Высь — писала Н.М. Бокий [Бокий, 1986, с. 12].

Наиболее выразительные археологические памятники находятся в некотором отдалении к северу от Великой Выси. Это, прежде всего, курганные могильники Журовской группы в междуречье Турии и Разливной, основная их масса сконцентрирована возле сел Журовка, Турия, Капитановка. Все раскопанные здесь курганы были сооружены в скифское время, причем в период, когда устанавливаются торгово-обменные отношения с античными городами. Так, концом VII — началом VI вв. до н. э. датированы семь погребений в курганах у с. Журовка и 12 — у с. Турия [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 162—164]. Позднее, в V и в особенности IV вв. до н. э. здесь, а также близ соседнего с. Капитановка образуется наибольшее

в Правобережной Лесостепи курганное кладбище. Такая концентрация могил уже является признаком исключительной «ценности» территории для общества, оставившего эти захоронения. Особый статус территории подтверждает и тот факт, что среди курганов Журовской группы отмечено наибольшее в Потясминье количество курганов-«лидеров» (по высоте). В окрестностях Журовки таких курганов было семь (1 раннескифский, 3 среднескифских, 2 позднескифских и 2 неизвестного времени), вблизи Капитановки — два (из них 1 позднескифский), Турии — один позднескифский. О функциях подобных территорий, а также о соотношении поселенческих памятников и дружинных могильников в бассейне Великой Выси речь идет ниже, а пока обратимся к реконструкции трассы Ольвийского торгового пути.

Во всех реконструкциях Ольвийского торгового пути его трасса на порубежье степи и лесостепи проходит (соответственно рельефу местности и направлениям современных коммуникаций) по водоразделам междуречий Ингула, Тясмина и Великой Выси. Согласно наиболее детальной реконструкции Ю.В. Болтрика, здесь он разделяется¹ на два основных направления [Болтрик, 2000, рис. 1], одно из которых условно можно назвать северным или Тясминским (через Черный Лес к Мотронинскому городищу), а второе — западным или Бугским. Западное направление, о котором, собственно, идет речь, в свою очередь можно разделить на юго-западную ветку (рис. 2, F), идущую в междуречье Малой Выси и Кильтедя (левые притоки Великой Выси) [Бессонова, Полтавец, 2015, с. 33], и далее, и северо-западную (рис. 2, D, E), проходившую междуречьем Великой Выси и Сырого Тапшыка (приток Тясмина) в район Капитановки-Пастырского [Болтрик, 2000, с. 126]. Это междуречье — меридионально ориентированная водораздельная территория — является естественной границей бассейнов Тясмина и Южного Буга, поэтому проводимую здесь дорогу (рис. 2, D) условно назовем «главной». Ориентиром дороги может служить могильник у с. Защита с двумя курганами-святилищами (VI и V вв. до н. э.)².

Итак, ориентируясь на данные письменных источников о Гуляйполе (Златополе) / Новомиргороде, а также концентрацию курганов скифского времени в междуречье Турии—Разливной, можно предположить существование еще одного

1. Разветвление пути в междуречье Тясмина и Великой Выси подтверждает карта Г. де Боплана.

2. Именно возле этого села находился знаменитый курган — святилище с античными импортами первой половиной VI в. до н. э. и огромным бронзовым котлом, известный как курган у с. Мартоноша. В XIX в. Защита — название хутора этого села, расположенного в 8 верстах севернее. Это курган-лидер высотой 8,5 м [ОАК, 1889, с. 29—30], что для VI в. до н. э. можно считать признаком царского ранга. Позже Н.М. Бокий доисследовала у с. Защита остатки кургана-святилища начала V в. до н. э. с уникальными бронзами в зверином стиле [Бокий, 1970].

ответвления северо-западной ветки Ольвийского пути (рис. 2, *Е*), проходившего южнее «главного» — вдоль левого берега Великой Выси до Новомиргорода / Златополя, точнее, его восточного предместья Константиновки. Здесь наблюдается скопление курганных могильников [Бессонова, Полтавец, 2015, рис. 2], среди них, судя по фрагментам амфор возле насыпей, были скифские. На подступах к Константиновке, на скрещении современных дорог, расположено с. Мартоноша. Возле него зафиксировано пять курганных групп вдоль современной трассы [Цвек, Озеров, 1989, с. 16—17, рис. 14]. В месте переправы через Великую Высь возле Новомиргорода / Златополя могло находиться торжище или место отдыха торговых обозов. Конечно, прямых археологических свидетельств маловато, мы учитываем в основном косвенные данные. Примечательно, что в с. Константиновка (пригород Новомиргорода), в районе железнодорожного моста (а мосты сооружаются в местах, где ложе и берега реки достаточно прочные и течение реки спокойное, т. е. удобных для прохода выючных и тягловых животных), П.И. Озеровым обнаружено по обоим берегам реки черняховское поселение [Цвек, Озеров, 1989, с. 24]. В 1994 г. здесь найдена разбитая фазоская амфора V в. до н. э.¹ Возможно, здесь находился распаханный курган или, что более вероятно на низменной равнине, селище скифского времени при переправе, перекрытое впоследствии черняховским. Цепочка курганных могильников от с. Мартоноша в сторону Константиновки вдоль современной трассы явно маркирует древнюю дорогу, которая вряд ли обрывалась у реки. Следует учитывать и такой важный фактор, как наличие широкой, до 1,5 км, поймы реки с целебными грязями оз. Лонго и болотистого урочища Тресяги (пастбища для скота).

Реконструируемое нами ответвление Ольвийского пути (условно — «златопольское») явно было направлено с юго-востока к Великой Выси в районе Златополя / Новомиргорода, а оттуда либо через Листопадово (курганный могильник) к северо-западу, либо к северу, по узкому, 3—6 км, водоразделу Турии и Разливной. Его направление в основном совпадало, вероятно, со старой Златопольской дорогой, вдоль которой тянулись, по А.А. Бобринскому, курганные могильники Журовской группы, расположенные над долиной Турии. Сейчас посередине водораздела проложены железнодорожная линия на Смелу, а также автострада, которые в основном идут параллельно. Местность тут напоминает воронку, повернутую узким концом — водораздел Турии и Разливной — на юг, а широким — на север, в сторону территории с Журовскими могильниками и «транспортным узлом» в районе с. Капитановка (?). Правда, может возникнуть сомнение в целесообразности торговых маршрутов на таком узком водоразделе, насыщенном скифскими дружинными могильниками.

1. Реставрирована М.П. Сиволапом, хранится в фондах ЧОКМ.

Например, торговые пути на маршруте Булгар-Киев пролегали мало заселенными местностями [Моця, Халиков, 1989, с. 149]. С другой стороны, на узком водоразделе было легче обеспечить охрану торговых караванов, а близость речных пойм снимала проблему воды и корма для выючных и тягловых животных. К тому же, речка Турия, вероятно, славилась рыбой и звериными ловами не менее, чем во времена козачества, когда об этом есть письменные свидетельства.

В таких благодатных местах, куда выезжали на сезонные охоты, конечно же, и скифские вожди, торговые караваны² могли идти, вероятно, только в сопровождении местной охраны и только в определенное время года (летом?). С большим основанием водораздел Турии—Разливной можно считать «царским заказником», где проходили сезонные меридиональные миграции копытных животных, и где были стойбища и охотничьи угодья кочевой скифской знати. Как и «главное», реконструируемое «златопольское» ответвление подходило к «транспортному узлу», который, как и в наши дни, должен был находиться в районе с. Капитановка. Отсюда возможны следующие направления: на запад — к Гнилому Тикичу через район Шполы; к северу — на Тясмин в район Смелы (рис. 2, 18) и главное — к Пастырско-Макеевской поселенческой структуре (рис. 2, 17).

Дорога на Шполу и далее на северо-запад, в Поросье, довольно четко вырисовывается вдоль левого берега Гнилого Тикича и далее. Ее маршрут мог проходить верховьями Турии на Лебедин и далее — вдоль долины р. Шполка и параллельно окраине Лебединского леса (именно здесь обозначена трасса Черного шляха на карте Боплана) — на Шполу — Звенигородку — Лысянку, а оттуда в междуречье Гнилого Тикича и Роси. На этом пути имеются такие индикаторы, как погребения с импортными скифского времени в уроч. Дарьевка между Шполой и с. Васильевка [Онайко, 1966, № 289; 1970, № 813], а также амфоры в курганах уроч. Колонтаевка на окраине Шполы [Онайко, 1966, № 221—222]; дружинный курганный могильник у с. Неморож³, а в верховьях речки Неморож — небольшое городище Водяники без выразительного культурного слоя [Фабрициус, 1945, с. 2—5] (стойбище?).

Владели этими стратегическими путями, судя по всему, подвижные скотоводы, оставившие дружинные могильники VII—IV вв. до н. э. в междуречье Турии и Разливной. А.А. Бобринский, проводивший здесь раскопки, не сомневался, что погребения в Журовских курганах принадлежали завоевателям-скифам, покорившим местное оседлое население и имевшим здесь зимние стойбища [Бобринский, 1911, с. 45]. Судя

2. Они, конечно, не были такими большими, как на пути из Булгара в Киев, учитывая относительно небольшую протяженность маршрута.

3. Могильник стоит над речкою Неморож (приток Гнилого Тикича), которая не замерзает зимой, что важно для внестойлового содержания животных.

по всему, исследователь имел в виду степных nomadов. Действительно, земли в долине Выси и ее притоков пригодны для сезонных стойбищ, о чем упоминается в летописи конца XII в. в связи с половецкими набегами. Однако речь должна, видимо, идти не столько о конфронтации степняков-скифов с местным населением, сколько о союзнических отношениях (отношениях «вооруженного нейтралитета»). Ведь зона прочной оседлости местного населения — Пастырско-Макеевская поселенческая структура — находилась всего в 10—12 км к северу от скопления Журовских курганов, а отдельные поселения спускались по Сырому Ташлыку до широты Златополя. Судя по всему, бассейн Великой Выси, как и в древнерусское, и литовско-польское времена, был базовой территорией, откуда можно было контролировать пути на важных участках пограничных территорий, в том числе — степного коридора в междуречье Тясмина и Великой Выси, где проходило «главное» ответвление северо-западной ветки западного направления Ольвийского пути.

В зоне прочной оседлости — Пастырско-Макеевской поселенческой структуре — известно четыре городища (Пастырское, Шарповское, Макеевское, Буда-Макеевское), сооруженные на довольно ограниченной территории, что, вероятно, можно объяснить близостью торговых путей, соседство с которыми было одновременно и опасным, и выгодным. Функции этих городищ могли быть разными, вернее, среди них могли быть убежища и загоны для скота (Буда-Макеевское городище). Относительно недавно признаки оседлости выявлены и на широте Журовских курганов, а также южнее — в бассейне Сырого Ташлыка (см. ниже). Сохранилось свидетельство, что и возле с. Журовка существовало небольшое треугольное (форма, характерная для мысовых городищ скифского времени) городище 180 сажений в периметре [Антонович, 1895, с. 119]. Один из наиболее ранних Журовских курганов, причем царского ранга (№ 432), находился в центре с. Журовка [Бобринский, 1905, с. 28—37], то есть в местности, наиболее подходящей для поселения. Не исключено, что к скифскому времени могло относиться поселение «не определенного типа», выявленное у северо-западной околицы с. Турия, наряду с черняховскими поселениями [Махно, 1966, с. 110—111]. Впрочем, в зоне расположения больших курганных могильников, тем более на торговых трассах, могли быть лишь сезонные поселки (зимники, сторожевые посты?), связанные с сооружением и охраной курганов и обслуживанием торгового пути.

Интересный комплекс памятников вырисовывается в верховьях Сырого Ташлыка, где, вероятно, проходило «главное» ответвление северо-западной ветки Ольвийского пути. Известные здесь поселения удалены от курганных могильников в районе Ольвийского торгового пути примерно на 5—4 км. Недалеко (около 4 км) от упоминавшегося выше курганного могильника у с. Защита выявлено большое поселение Васильевка, а также

ниже по течению (около 5 км от поселения) небольшое (0,3 га) городище овальной формы с двойной линией валов у с. Дибровка [Цвек, Озеров, 1989, с. 8, рис. 4]¹. Можно предположить, что городище Дибровка выполняло функции сторожевого поста или сезонного стойбища. Ниже городища, по течению Сырого Ташлыка, расположен большой курганный могильник Оситняжка с погребениями от предскифского времени до конца IV в. до н. э. Еще ниже, на небольшом притоке, — поселение Капитановка площадью 7 га с мощным культурным слоем [Орлик, 1981], расположенное близ развилки современных дорог в верховьях одного из притоков Сырого Ташлыка (с. Капитановка расположено в верховьях р. Разливна). Для всех поселений и курганных могильников в бассейне Сырого Ташлыка, как и в междуречье Турии — Разливной, центральным местом, скорее всего, были Пастырское и Шарповское городища, расположенные на одном из притоков Сырого Ташлыка в его нижнем течении. Таким образом, между зоной прочной оседлости с упомянутыми городищами и дружинными могильниками Журовской группы прослеживается нейтральная, слабо заселенная полоса, ширина которой — 10—12 км (от Макеевского городища около 8 км) — свидетельствует о мирном сосуществовании, по крайней мере, в VII — начале V вв. до н. э., населения городищ и воинов, погребенных в курганных могильниках.

Контроль и охрана торговых путей. В скифское время важнейшие пункты на торгово-военных путях Поднепровья, начинавшихся в степных просторах, контролировало господствовавшее племя скифов царских [Бессонова, 2009]. В их же руках, соответственно, была и организация торговли с античными городами, включая охрану и сопровождение торговых караванов в пределах степи. Сложнее определить статус пограничных пунктов на лесостепном порубежье. Судя по Светловодскому могильнику на р. Цыбульник, в конце V — IV вв. до н. э. здесь, в районе переправы обитало пришлое степное население. На Великой Выси пока тоже имеем лишь курганные могильники скифского типа с конца VII до конца IV вв. до н. э., причем погребения конца V — IV вв. до н. э. преобладали, и среди них много катакомб. Поскольку целенаправленные поиски в месте предполагаемой переправы не проводились, пока невозможно определить, кто «выставлял охрану» на Великой Выси в скифское время. По аналогии с козацким периодом, можно предположить, что ее содержание, по крайней мере в конце VII — первой половине V вв. до н. э., было обязанностью населения лесостепных городищ, а безопасность путей в пределах лесостепи обеспечивала могущественная группировка nomadов,

1. Подобное городище известно у с. Водяники на Гнилом Тикиче, его принадлежность к скифскому времени не вызывает сомнений [Фабрициус, 1945, с. 2,3]. Очень вероятна связь его с Неморожским могильником, поскольку городище расположено у истоков р. Неморожь, а могильник — в ее устье.

оставившая Журовские курганы. Эти же номады, судя по всему, взимали плату с проходивших торговцев¹. Функции «журовской группировки» сохранялись и в конце V — IV вв. до н. э., когда в южную подзону лесостепи, вероятно, продвинулось новое степное население.

Что касается XVI—XVIII вв., то хотя Крылов на Тясмине и Гуляйполь (Златополь) на Великой Выси были основаны как польские города, первоначально среди их жителей наверняка было много и козаков: как городских, так и запорожских, которые первыми освоили эти территории (легенда о сидении Ивана Подковы в Крылове, формирование Крыловского куреня, претензии гетмана Павла Тетери на окрестности Гуляйполя). Как и в скифское время, приграничные поселения могли существовать лишь благодаря военизированным группам населения, исполнявшими функции охраны и торговли, и не случайно центральные власти даровали эти земли «на булаву гетманскую» и предоставляли разные «привелеи», в том числе на различные промыслы, способствовавшие торговле. Как известно, вся торговля Польши, Литвы, Украины и Южной России XVI—XVIII вв. в пределах Приднепровской степи и лесостепи, была в руках запорожского козачества и прежде всего, особого класса — чумаков (они были и среди городских или гетманских козаков). Козаки же обеспечивали охрану и сопровождение торговых обозов. Из письменных источников XVI в. известно, что охрана пограничных пунктов, имевших иногда земляные укрепления, возлагалась на «польну (полевою) стражу». «Польна стража» базировалась в обычных селах или земляных «городках», и ее эффективность была невысокой. Не случайно А. Гваньини полагал, что выгоднее и надежнее привлекать для охраны границ козаков [Клепатский, 2007, с. 126]. Содержали стражу города и замки, расположенные «в тылу». Так, Черкасский замок в середине XVI в. содержал польную стражу на Тясмени (у Крылова? — В. П., С. Б.), у Чигирина, на Голем Тясмени (Цыбульнице? — В. П., С. Б.) и в других «местах урочистых» (т. е. важных, значимых). Показательно, что в двух случаях как объект охраны указана река: вероятно, речь идет о переправах, которые охраняли особо². В местах переправ на Днепре в помощь польной

1. Статус группировки в пределах скифского военно-политического объединения и, прежде всего, их соотношение со скифами царскими, не ясен. Журовские курганные могильники можно сравнить с дружинными центрами древнерусского времени, выполнявшими военно-грабительские и фискальные функции, откуда совершались набеги и куда свозилась дань с подвластных территорий, а также взимался сбор с проходивших торговцев [Даркевич, 1998, с. 214]. Последняя функция очень вероятна, поскольку Журовские курганы расположены в месте скрещения нескольких торговых маршрутов, шедших из степи в бассейн Тясмина и Гнилого Тикича.

2. Известны случаи, когда татары, после опустошения запорожских земель, оставляли одну из главных переправ «для перевоза через Днепр всяких проезжих и торговых людей» [Яворницький, 1990, с. 30].

страже придавались конные отряды для доставки фуража [Похилевич, 2009, с. 335—336]. Польский пограничный гарнизон имелся и в Гуляйполе в конце XVII в. [Златопіль (місто)].

У запорожцев в XVIII в. для охраны границ, кроме визуальных способов оповещения, использовались бекеты (пикеты) — пограничные разъезды и радуты — помещения для сторожевых бекетов, своего рода заезжие дворы. У гетманских козаков лесостепной зоны границы охранялись т. н. форпостами, состоявшими из деревянных изб с конюшнями для драгунских лошадей и маяками [Яворницький, 1990, с. 315—317]. То есть, археологически подобные пограничные пункты очень сложно выявить.

Таким образом, как в скифское, так и в козацкое время на пограничных со степью территориях — на Великой Выси и в низовье Тясмина — активно функционировали «ответные» сухопутные трассы, что в значительной степени было обусловлено географическими особенностями местности. Особое место на этих торгово-военных трассах принадлежало пунктам, расположенным в местах их пересечения с пограничными реками. В козацкое время это, соответственно, Гуляйполь (Златополь) / Новомиргород и Крылов / Новогеоргиевск, известные по письменным источникам как значительные торговые городки, неоднократно разорывшиеся при татарских набегах.

Аналогичное значение этих пунктов можно предполагать и для скифского времени, представленного здесь лишь погребальными памятниками. В течение всего скифского времени большее значение имели дороги в бассейне Великой Выси, где проходили ответвления Ольвийского торгового пути, ориентированного в значительной степени на Побужье. Высокая «ценность территорий» сохранялась здесь в течение всего скифского периода, судя по большому количеству погребений высокого ранга не только конца VII — начала V, но и конца V — IV вв. до н. э., в Журовских могильниках. Что касается дорог вдоль правого берега Днепра, один из вариантов которых был известен как Татарская дорога, то, до образования на Нижнем Днепре центра Степной Скифии, эти дороги не имели, вероятно, большого значения для торговли. А северный водный путь — аналог позднейшего варяжского — в скифское время, видимо, еще не существовал. В этот период, в конце V — начале IV вв. до н. э., здесь проходило ответвление т. н. Пантикапейского торгового пути, о чем свидетельствует Светловодский могильник.

В целом, в скифское время наблюдается постепенное продвижение степняков к северу, поскольку их общественная и военная организация была сильнее, чем у «земледельцев» лесостепи, а численность населения возросла в конце V — IV вв. до н. э. одновременно с обезлюдением лесостепи. Что касается периода конца VII — начала V вв. до н. э., особенно бла-

гоприятного для торгівлі античних городів с лесостепью, то землі вдоль торгових доріг на порубежжє со степью активно осваивало лесостепное население, хотя археологически памятники непрочної оседлости фиксируются очень сложно. Это население не смогло противостать степным скифам, поскольку не успело накопить, в отличие от населения козацкого времени, достаточный опыт для ведения войны с миром степных номадов.

Долина Днєпра всегда была «коридором» для миграций и походов, но лишь начиная с козацкого времени сухопутное сообщение центральных территорий Украины (Киев, Черкассы, Канев) с запорожским Низом, частично использовавшее старую «татарскую дорогу», приобретает особое стратегическое значение. Поэтому Крылов в низовьях Тясмина в XVI—XVIII вв. имел более важное стратегическое значение по сравнению с Гуляйполем (Златополем) на Выси. Однако именно благодаря близости к международным торговым путям — наследникам Черного шляха — Новомиргород и Златополь стали в конце XVIII и в XIX вв., когда исчезла угроза со стороны Степи, на какое-то время видными культурными и административными центрами.

Антонович В.Б. Археологическая карта Киевской губернии. — К., 1895. — 139 с.

Бессонова С.С. Каменные изваяния в контексте этнополитической истории Скифии // *Stratum plus*. — 2009. — № 3. — С. 14—93.

Бессонова С.С., Полтавец В.І. Шляхи сполучення в басейні Тясмину на початку доби заліза // *Старожитності раннього залізного віку*. — К., 2015. — С. 21—37 (АДІУ. — Вип. 2 (15)).

Бобринский А.А. Отчет о раскопках близ сел Журовка и Капитановка (Чигиринского уезда Киевской губернии) // *ИАК*. — 1905. — Вып. 17. — С. 17—98.

Бобринский А.А. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1905 году // *ИАК*. — 1906. — Вып. 20. — С. 1—16.

Бобринский А.А. Отчет об исследованиях в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1909 году // *ИАК*. — 1911. — Вып. 40. — С. 43—61.

Бокій Н.М. Нові пам'ятки скіфського звірного стилю з Кіровоградщини // *Археологія*. — 1970. — Т. XXIII. — С. 182—189.

Бокій Н.М. Скифские курганы в бассейне р. Большая Высь на Кіровоградщині // *Скифы и сарматы*. — К., 1977. — С. 200—207.

Бокій Н.М. Розкопки курганів в верхів'ях басейну Тясмина // *Археологія*. — 1977а. — Вип. 22. — С. 65—73.

Бокій Н.М. Отчет Кіровоградского педагогического института о раскопках в пгт Петрово и г. Светловодске / *НА ІА НАН України*. — 1983/175.

Бокій Н.М. Греко-варварские связи в Причерноморском регионе (по материалам правобережноднєпровского пограничья степи и лесостепи VIII—VII вв. до н. э.) // *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века*. — Ростов-Дону, 1986. — С. 3—14.

Бокій Н.М., Могилов О.Д. Перший сезон робіт на Світловодському могильнику // *Феномен Більського городища*. — Київ; Полтава, 2014. — С. 26—29.

Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроечных экспедиций от Приазовья до Днєпра) // *СА*. — 1990. — № 4. — С. 30—44.

Болтрик Ю.В. Переправы Нижнего Днєпра в скифское время // *ПССАСП*. — Запорожье, 1999. — С. 45—47.

Болтрик Ю.В. Основной торговый путь Ольвии в Днєпровское лесостепное правобережье // *РА*. — 2000. — № 1. — С. 121—130.

Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. — К., 1985. — 227 с.

Велика Вись. — Електрон. ресурс: https://uk.wikipedia.org/wiki/Велика_Вись.

Грибенко П.М. Матеріали до археологічної карти Новогеоргієвського району Кіровоградської області // *МАПШ*. — Одеса, 1959. — Вип. III. — С. 155—164.

Грушевський М.С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. — К., 1991. — 648 с.

Даркевич В.П. [Рец.]: В.Я. Петрухин. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. — Смоленск; Москва, 1995. — 317 с. // *СА*. — 1998. — № 1. — С. 212—219.

Доманский Я.В. Заметки о характере торговых связей греков с туземным миром Северного Причерноморья в VII в. до н. э. // *АСГЭ*. — 1970. — Вып. 12. — С. 47—53.

Златопіль. — Електрон. ресурс: [https://uk.wikipedia.org/wiki/Златопіль\(місто\)](https://uk.wikipedia.org/wiki/Златопіль(місто)).

ІМС. Історія міст і сіл Української РСР: Кіровоградська область. — К., 1972. — 816 с. Черкаська область. — К., 1972а. — 788 с.

Клепатский П.Т. Очерки по истории Киевской земли. Литовский период. — Белая Церковь, 2007. — 480 с.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днєпровского лесостепного правобережья. — К., 1989. — 335 с.

Комиссаров С.А. Археология Западного Чжоу 1027—770 гг. до н. э. // *Древние культуры Китая. Палеолит, неолит и эпоха металла. История и культура востока Азии*. — Новосибирск, 1985. — С. 86—111.

Кордт В. Матеріали по истории русской картографии. — К., 1910. — Вып. 2. — 31 с., 45 карт.

Кракало І.В., Кулатова І.М. Кінлжал з Кременчуччини // *АЛЛУ*. — 1998. — № 1—2. — С. 168.

Кузык Б.И., Яковец Ю.В. Цивилизация: история, культура, диалог, будущее. — М., 2008. — 519 с.

Кулатова І.Н. Некоторые находки киммерийского времени с территории Полтавщины // *Скорый С. А. Киммерийцы в Украинской Лесостепи*. — К., 1999. — С. 1—2.

Кулатова І.М., Скорый С.А., Супруненко О.Б. Курганы поблизу с. Волошине в пониззі Псла. — К., 2010. — 160 с.

Максимович Н.И. Днєпр и его бассейн. — К., 1901. — 370 с.

Махно Є.В. Пам'ятки черняхівської культури в Златопільському районі на Черкащині // *Археологія*. — 1966. — Т. XX. — С. 11—21.

Моця О.П., Халіков А.Х. Нові дослідження шляху з Булгара в Київ (попереднє повідомлення) // *Археологія*. — 1989. — № 4. — С. 143—149.

Мурзин В.Ю., Павленко Ю.В. Формирование раннеклассового общества на территории Украины: Препр. — К., 1989. — 48 с.

Наливайко Д. Українське козацтво та західноєвропейський світ // *Народне мистецтво*. — 2009. — № 3—4 (47—48), ч. I. — С. 6—21.

Новомиргородський район. — Електрон. ресурс: https://uk.wikipedia.org/wiki/Новомиргородський_район.

Онайко Н.А. Античний импорт на території Середнього Придніпров'я // СА. — 1960. — №2. — С. 25—41.

Онайко Н.А. Античний импорт в Придніпров'є і Побуж'є в VII—V вв. до н. е. — М., 1966. — 149 с. (САИ. — Вып. Е1-27).

Онайко Н.А. Античний импорт в Придніпров'є і Побуж'є в IV—II вв. до н. е. — М., 1970. — 212 с. (САИ. — Вып. Д1-27).

Остапенко М.А. Скифские бескурганые могильники Степного Поднепров'я // Античний мир і варвари на юге Росії і України. Ольвія. Скифия. Боспор. — Москва; Киев; Запорож'є. — 2007. — С. 145—179.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. — М., 1974. — 200 с. (САИ. — Вып. Е4-2).

Плетнева С.А. Половці. — М., 1990. — 206 с.

Попандопуло З.Х. Скифський ґрунтовий могильник Скельки. — Запорож'є, 2011. — 115 с.

Похилевич Л.И. Сказания о населенных местностях Киевской губернии. — Біла Церква, 2009. — 641 с.

Тереножкин А.И. Комплексная экспедиция на Кременчугской ГЭС и раскопки у Ново-Георгиевска в 1956 году // КСИА. — 1959. — Вып. 8. — С. 3—12.

Тереножкин А.И. Об общественном строе скифов // СА. — 1966. — № 2. — С. 33—49.

Фабриціус І.В. Тясминська експедиція 1945 р. / НА ІА НАН України. — 1945/5.

Цвек Е.В., Озеров П.И. Отчет о разведке археологических памятников в Новомиргородском районе Кировоградской области в 1987—1989 гг. / НА ІА НАН України. — 1987—1989/406.

Шилик К.К. Влияние природных условий на выбор трасс древних транспортных путей // Взаимодействие общества и природы в процессе общественной эволюции. — М., 1981. — С. 178—187.

Яворницький Д.І. Історія запорізьких козаків: у 3 т. — К., 1990. — Т. 1. — 579 с.; К., 1990а. — Т. 2. — 559 с.

Ястребов В.Я. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии // ЗООИД. — 1894. — Т. XVII. — 116 с.

Šramko V.A. Die Osteuropäische Steppe und Waldsteppe in ihren wechselseitigen Beziehungen während der frühen Eisenzeit // Archäologische Mitteilungen aus Iran. Herausgegeben vom Deutschen archäologischen Institut Abteilung Teheran. — 1992. — В. 25. — С. 47—63.

В. І. Полтавець, С. С. Бессонова

ТОРГОВЕЛЬНО-ВОЄННІ ДОРОГИ СКІФСЬКОГО ЧАСУ І «ТАТАРСЬКІ ШЛЯХИ» НА ПІВДЕННОМУ ПРИКОРДОННІ ПРАВОБЕРЕЖНОГО ЛІСОСТЕПУ

В писемних джерелах XVI—XVIII ст. відомі «татарські шляхи» в Дніпровському Правобережжі, які поєднували Дике поле з Лісостепом і проходили через перевози на прикордонних річках. Це Крилов/Новогеорґієвськ в пониззі Тясмину і Златополь/Новомиргород на Великій Висі. Ці міста згадуються переважно у зв'язку з війсьними набігами і руйнуваннями. Безсумнівною є важливе стратегічне і торговельне (особливо у XVIII ст.) значення цих по-

селень. Подібну ситуацію можна припускати й для скифського періоду. Це підтверджують дружинні курганні могильники поблизу с. Журовка в басейні Великої Висі і Світловодський могильник на р. Цибульник (притока Тясмину) неподалік Дніпра. За скифських часів, до кінця V — початку IV ст. до н. е., шляхи вздовж Дніпра мали насамперед стратегічне значення, на відміну від переважно торговельних шляхів в басейні Великої Висі. В козацькі часи, коли існували розвинені річкова і морська торгівля, шляхи вздовж Дніпра мали першорядне стратегічне значення. До того ж, тут знаходилися головні історичні осередки запорожців — від Києва і Канева до Каменської Січі. Всі вони виникли поряд з великими переправами, що підкреслює значення торгівлі в житті запорожців. Суттєве значення мали також природні багатства в районі переправ, в тому числі сприятливі умови для розвиненого скотарства і особливо конярства.

Ключові слова: скифський час, козацький час, торговельно-військові шляхи, Ольвійський торговельний шлях, Тясмин, Велика Вись.

V. I. Poltavets, S. S. Bessonova

TRADE AND MILITARY ROADS OF THE SCYTHIAN TIME AND THE «TATAR ROADS» ON THE SOUTH BORDERLAND OF RIGHT-BANK FOREST-STEPPE

In written sources of XVI—XVIII centuries there are known «Tatar roads» on the right bank of the Dnipro river that connected Wild Field with forest-steppe and passed through the border rivers crossing. These are Krylov / Novogeorgiyevsk in the Lower Tyasmin and Zlatopol / Novomyrhorod on the Great Vys river. The cities are mentioned mainly in connection with military invasions and devastation. Undoubtedly there is an important strategic and trade [especially in the XVIII century] value of these settlements. A similar situation can be assumed for the Scythian period. That fact can be confirmed by the fighting squad burial mounds near the village Zhurovka in the basin of the Great Vys and Svetlovodsky cemetery on the Tsybulnik river [inflow of Tyasmin river] not far from the Dnipro river. In the Scythian time, until the end of the V — the beginning of the IV centuries BC, the roads along the Dnipro had mostly military significance, in contrast to the mainly commercial roads in the Great Vys basin. In Cossack times, when there were developed river and maritime trade, the road along the Dnipro had primary strategic importance. Besides, here were located the main historical centers of the Zaporozhye Cossacks — starting from Kiev and Kaney to Kamenskaya Sech. All of them were formed around major river crossings, which underline the major role of trading in the life of the Cossacks. Not less important role played natural resources in the area of the crossings, including good conditions for developed cattle-breeding and especially horse-breeding.

Key words: Scythian period, Cossack period, trade and military routes, Olbian trade route, Tyasmin river, Great Vys river.

Одержано 14.12.2015